

А

Сергей Клычков

ЧЕРТУХИНСКИЙ БАЛАКИРЬ

Глава первая
ЛЕСНАЯ СТОРОНКА

ПЁТР КИРИЛЫЧ

Не знаю, с кого начать, с чего начать!..

Садитесь, друзья мои, садитесь, товарищи, родня и знакомыши, не войдёт всё Чертухино -- тесно у меня в избе, зато широко у хозяина сердце!..

Буду я глядеть на вас с печки брюхатой, вспоминать всю нашу судьбу, как на поминальном обеде, всё вспомню, ничего не забуду и навек закреплю, как торжественный дыяк челобитню!..

* * *

Сторона наша лесная, дремучая, тёмная!..

Век по заколище ходит солнце за облаком, сощурившись на болота и гати, и редко выпадет час, когда, словно странники, упёршись в дальние взгорья дождевым кривым подождом, уйдут облака в полночи на самый край чертухинского всполья, где, огибая покатые груди холмов, вьётся наша лесная шептуха -- Дубна; тогда-то поплывут над рекой вдоль дубенского зелёно-муравного берега соломенные и тесовые крыши, и вознесётся высоко, под самый месяц, колокольный купол чертухинской церкви, и с непомерной своей высоты поведёт приподнятой бровью и моргнёт хитрым глазом месяц, круглый, как именинный пирог!

Хорошо в этот месячный час выйти на двор из избы или спросонья взглянуть из окошка: кругом всё как и днём, только теперь всё будто плывёт, от земли оторвавшись, только туман накинул на всё свои прозрачные тени; лес подошёл к самой околице и машет широким рукавом на крыльцо, а по другую сторону поле тихо дышит еле заметными перекатами бугорков, убаюканное в своей большой колыбели!

Тогда-то и придёт на разум наш, блаженной памяти, чертухинский враль, Пётр Кирилыч по фамилии Пенкин, у которого всё в жизни было так же, как и у всех, только ему всё казалось иначе, как, может, никогда и ни у кого не бывает, отчего мужик часто, для себя самого невдомёк, завирался.

Да и то надо сказать: иной проходит по лесу весь день, а и ёлки хорошо не увидит, и ничего с ним в лесу не случится...

Скушно у нас теперь без Петра Кирилыча стало!..

* * * * *

Давно это было...

Лет, может, тридцать, а то и поболее...

О то время всё наше Чертухино стояло всего только на два порядка... Жили, значит, не очень обширно, не то что теперь... В Чагодуй ещё ни шоссе не было, ни железной дороги, стояли кругом леса, каких теперь больше не вырастет на этом месте, и в этих лесах чего-чего только не шушилось... Мужики были домоседы, без нужды за околицу его не выгонишь, да и страшно было отходить от родного дома.

Один Пётр Еремеич -- был он тогда молодой да фартовый -- куда только не гонял свою тройку, да Пётр Кирилыч на своих на двоих измерил, почитай, всю землю липовым лаптем: один был ящик, а другой -- побирушник.

Эх, нет теперь ни того ни другого!..

Пётр Еремеич в песне живёт, а Пётр Кирилыч в людской поговорке.

Говорили про Петра Кирилыча, что он в год своей смерти умирать всё же домой воротился: будто нашли его мёртвым возле церковной ограды и погребли в том самом месте, где наше кладбище даёт в поле большой завулон; завулон потом, когда клали ограду из камня, решили спрямить, и Пётр Кирилыч навсегда, зная, ушёл из памяти ближних своих и родных...

Да мало ли что говорили!..

Может, Пётр Кирилыч и впрямь тогда умер возле церковной ограды, а может, и нет, может, Пётр Кирилыч жив ещё по сю пору!.. Кто его знает?.. Наверное сказать что-либо про Петра Кирилыча трудно, потому что и сам он в меру любил загибать, сиречь -- речь говорится -- приврать, и всё так повернуть, что можно было дивиться, а не поверить нельзя!..